
Юлия ШЕСТАКОВА

РОДНИК ЕГО ПОЭЗИИ

О жизни и творчестве Петра Комарова

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения Петра Комарова. Всё лучшее, что он сумел создать за свой короткий век, в разное время было издано и продолжает издаваться. Имя его, давно прописанное в сердцах дальневосточников и сибиряков старшего поколения, становится дорогим и для многих из тех, кто сегодня впервые знакомится с его стихами.

Надо отдать должное постоянству, с каким Петр Степанович любил Дальний Восток и не мыслил себя в иных пределах, возможно, более благодатных, чем наше Приамурье. Для него работал он без устали, жил, горел... И сердце ему отдал, и песни.

Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин, —
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.

Благословен мой край, и в нем —
Наш труд,
Наш дом, где все знакомо.
Я — нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.

В этом коротком, звучащем, как песня, стихотворении, которое можно поставить рядом с лучшими образцами лирической русской поэзии, заложено высокое понимание долга, сыновней любви к Родине, а в итоге — смысл человеческого предназначения на земле. И было бы странно, если бы чья-то душа не отозвалась на это согласным чувством. Таково извечное воздействие поэтического слова, объединяющего людей. К этому Петр Комаров всегда стремился.

Друзьям и товарищам его, тем, кто видел, как упорно он боролся с тяжелым недугом, как преодолевал нужду в военные, послевоенные годы и, несмотря ни на что, работал, искал свою тропу в сложном мире литературных авторитетов, споров, имен, особенно радостно сознавать, что его стихи приобрели широкую известность и стали достоянием советской поэзии.

Рано ушел он от нас, побежденный болезнью. Медицина в то время не имела таких мощных средств против туберкулеза, какими она располагает сейчас. Об этом думаешь с болью и сожалением.

О Петре Комарове не скажешь, что он при жизни был мало известен или не признан. Его стихи печатались в центральных журналах и газетах, звучали по всесоюзному радио, имя Петра Степановича, особенно в годы войны и после нее, стало появляться в печатных изданиях на Урале и в Сибири, его знали многие читатели Москвы, Ленинграда. Сам он не мог, конечно, не замечать возрастающего интереса к своему творчеству. Но не впадал в восторг, получая письма со словами признания из разных городов России.

И все-таки настоящая, широкая известность пришла позднее. Мы это знаем теперь. Среди поэтов, своим творчеством связанных с Дальним Востоком, первое место, бесспорно, принадлежит ему. Петр Комаров счастливо соединил в себе страстность и оригинальное поэтическое восприятие мира. Его стихи отличаются яркой образностью, глубинным проникновением в суть предмета, будь то поэма или миниатюра в четыре строчки. Язык их точен и доведен порой до родниковой прозрачности.

Те, кому в самые тяжкие годы довелось работать вместе с ним, знают, как он требовательно относился ко всему, что выходило из-под его пера. Это был человек большого трудолюбия, целеустремленный, с сильным характером, что, разумеется, не могло не сказаться на развитии его дарования.

Он родился 12 июля 1911 года в деревне Боеве Крестецкого уезда бывшей Новгородской губернии (теперь это Ленинградская область). Отец — рабочий Кулотинской брезентовой фабрики, где много лет трудился во вредном цехе, решил переселиться на Дальний Восток. Ранней весной 1918 года он со всем семейством прибыл сначала в город Свободный, затем подался в зазейские места. Слабый здоровьем; но любивший охоту, он искал, где бы земля была поудобнее и чтобы лес был и река близко. Добрые люди посоветовали поселиться в Поповке. Деревня была небольшая, из тех, что в одну улицу выстраивались на возвышенном берегу реки. Тут везде лесные заросли сменялись лугами. А река... Пока на пароходе плыли, наслушались про Зею: и золотоносная она, и рыбой богатая, да и поохотиться есть где.

Для будущей усадьбы Комаровы, оглядевшись, выбрали место на самом краю деревни. За огородами темнел сосновый бор, по сторонам Поповки — буйное разнолесье, пахотных угодий тоже хватало, трудись только. Правда, нелегко было новоселам-безлошадникам обживать таежные земли. Пришлось самим вручную выкорчевывать пни, подкатывать бревна для сруба. Потом, когда подоспело время пахать и сеять, брали коня у соседей. Семилетнему Петру интересно было следить за шустрыми бурундуками; он гонял их по огороду; на пахоте вытаскивал из-под пласта розовые стебли кислиц, лакомился. «Что с него спросишь? — вспоминала мать. — Он самый маленький был в семье-то». Вот старшие — Василий да Груня и Паша, те на подхвате у отца, им всегда находилась работа. К осени кое-как управились, поставили избу. Можно сказать, всем миром ставили, подвели ее под крышу, сложили печь. Только бы жить. А тут вскоре началась гражданская война...

Татьяна Семеновна — мать будущего поэта, малограмотная женщина, знавшая и нужду, и горе, припоминала, каким был ее младший сын. В девять лет Петя уже стал помощником: воды ли принести, дров ли — он тут как тут. Любил на дворе копаться: то дрова в поленницу сложит, то удилица готовит. На уху рыбы налавливал запросто. Отец научил. И на пашню брал с собой. А когда здоровье отца пошатнулось и слег он по весне, Петя исполнял поручения старшего брата.

Вместе с Василием и сестрами уезжал в луга, на покос, где предстояло до дождей управиться с сеном; радовался, что ему доверили коня и нехитрое сооружение — волокуши. Главное, Вася был рядом, подбадривал: «Держись! Ничего не бойся...» С ним всякая работа шла веселее.

Молодежь в Поповке тянулась к Василию Комарову. При его активном участии оформилась комсомольская ячейка, он был организатором ликбеза среди взрослых. Спустя много лет Татьяна Семеновна рассказывала, как у них при Васе людно бывало в избе. Шли комсомольцы по разным делам — то субботники, то собрания. Девчата с подружками. Смотришь, тетрадками шелестят... У Пети же своя забота — пионерские сборы. Гордился красным галстуком, а завязывать еще не умел как следует. Но чтобы кого-то попросить? Нет, он этого не допускал. «Я сам, сам», — скажет вот так, бывало...

Влияние брата, бесспорно, отразилось на характере Петра. Но пришло время, и Василия вызвали в город Свободный, там были организованы курсы руководящих комсомольских работников...

Проводив старшего сына, Татьяна Семеновна в первые дни с надеждой поглядывала на берег: может, вернется? Но он не вернулся. Через некоторое время Василий Комаров стал секретарем Свободненского укома комсомола. Живы еще в городе комсомольцы двадцатых годов и помнят его. «Как же не помнить Васю Комарова?.. — говорил мне его старый товарищ Василий Дементьев. — Чем-то он был похож на киноактера Бориса Чиркова из популярного фильма о Максиме. И у нас он выступал на пионерском слете, я помню. Горячо убеждал, что мир широк, и детям бедняков все пути в нем открыты. Надо выполнять завет Ленина: «Учиться, учиться и учиться!»

Петру хотелось поскорее стать комсомольцем. Казалось, годы идут слишком медленно; едва дождался, когда исполнится четырнадцать лет. Не всегда он был понятен сверстникам, и по-разному складывались у него отношения с ними. Случалось, позовут ребята играть в лапту, но Петя отказывается, ищет укромное местечко, чтобы дочитать интересную книгу. На рыбалку ходил с теми, кто умел затаиваться в ожидании клева, чересчур разговорчивых сторонился. Зато не уставал слушать рассказы отца об охоте, когда бывал с ним в лесу или на пашне. Но болезнь постепенно вытеснила радость из отцовского сердца; он опять слег, и в притихшем доме поселилась тревога.

Ранними летними утрами Петя один убежал на Зею с удочкой. Рыбалка стала одним из самых любимых его занятий. С трудом удавалось матери отрывать от воды заядлого рыболова. Река безотчетно манила к себе будущего поэта. Сколько удивительного и загадочного таилось в мире природы!

Кажется, все книги, какие были в его распоряжении, Петр перечитал. В те годы у него была уже заветная тетрадь со стихами. О чем он писал тогда? Обо всем, что происходило вокруг и казалось значительным. Еще не так давно пережитая гражданская война, образы ее героев, почерпнутые из книг, из рассказов местных жителей, были у всех на устах, а рядом шло небывалое обновление жизни, чего прежде не знали крестьяне: деревенский паренек мечтает стать летчиком, открылась изба-читальня, в сельском клубе комсомольцы ставят спектакль... Это было время, когда традиционные вечеринки с гармоникой и частушками стали уступать место театрализованной самодеятельности. История девушки, страдающей от того, что родители не разрешают вступать ей в комсомол, была очень популярна и составляла основу конфликта во многих инсценировках. Иногда и авторами пьес были участники драмкружков. В каждой деревне ставили спектакли. На сцене разыгрывались злободневные в то время сюжеты. Все менялось...

Естественно, все это не могло пройти мимо внимания Комарова. Его стихотворения часто были непосредственным откликом на события сельской жизни; лучшие из них стали появляться в молодежной газете, но, прежде чем он увидел их напечатанными в хабаровском «Набате молодежи», ему пришлось пережить столкновение с одноклассниками. О том, как это было, он рассказывал позднее в своих автобиографических заметках «Путь в редакцию»: «...Я организовал в сельской школе стенгазету. И сразу же после первого номера меня избили...» Он описывал, как мальчишки исцарапали ему лицо до крови, как сорвали у него с головы заячью шапку... «Это первое боевое крещение еще больше вызвало у меня желание писать», — вспоминал Комаров. Но писал уже не для стенной печати. Он отправил письмо в Благовещенск, там выходила газета «Молодая гвардия». «И хотя от моей первой заметки остались «рожки да ножки», я берег номер газеты, как зеницу ока. Это было в 1924 году...»

Впечатления детства и отрочества потом отзовутся в стихах Петра Комарова, когда он повзрослеет и начнет основательно пробовать свои силы в твор-

честве; они будут долго питать его воображение и позднее, когда он уже твердо станет на ноги как литератор. Нетрудно заметить это, перечитывая его стихотворения о партизанах и комсомольцах, о легендарном Сергее Лазо, о первом трактористе Карцеве. Лучшие из них стали переходить из сборника в сборник («Деревенский спектакль», «Трактор», «Апрель», «Сенокос», «Помнишь, как мы уходили из дома...»).

Чтобы стать поэтом, ему пришлось многое преодолеть в своей судьбе. Самый первый шаг, который Комаров отважился сделать, был связан с отъездом из Поповки. Комсомольская организация направляла его в школу крестьянской молодежи. Кажется, сбывалась его мечта: во что бы то ни стало получить образование.

Ну, а дом? Как оставить родных? Несмотря на уговоры и слезы матери (отца уже не было в живых), Петя сделал свой выбор: в дорогу! Это означало — покинуть дом, оставить и, может быть, навсегда (вышло именно так) Поповку. Жаль было расставаться с матерью, с сестрами. Но он уже не мог, не имел права отказываться.

Татьяна Семеновна сшила ему рубашку из кумача; Петя обулся в ичиги, взял с собой кое-какие вещички, тужурку, шапку на всякий случай и побежал с котомкой за плечами к пароходу...

В то время, да и позднее, в сороковых годах, у нас по Зее ходил старенький колесный пароходик «Брянта». Вот на нем Комаров и отправился в город Свободный. Ехал, окрыленный сознанием, что судьба сотворила с ним что-то необыкновенное.

Много будет у него дорог потом, но эта, как исток в горах, дающий начало большой реке, обозначила его характер.

Не сразу освоился Петр Комаров в городских условиях. Среди товарищей по школе крестьянской молодежи (они называли себя шакаэмовцами) не было у него знакомых ребят. С непривычки скучал по дому, вспоминал о сверстниках, которые остались в Поповке. Но постепенно сблизился с такими же, как он, ребятами, приехавшими в агрономический «лицей» из разных деревень. Вместе они работали на учебных полях за городом, вместе ходили в клуб «на картины», стайкой бежали в столовую, иногда и учебник листали, готовясь к уроку, по двое, по трое... Был Комаров прилежным учеником, никогда не отказывался от общественных поручений, читал много. И, конечно, мучился над своими стихами светлой мукой... Это не укрылось от преподавателей, тем более что в газете «Молодая гвардия» стали появляться стихотворения за подписью Петра Комарова.

Преподававший агрономическую науку К. Т. Костенко, наверное, хорошо запомнил его старания на уроках, если потом, спустя двадцать с лишним лет, говорил мне об этом в Свободном удивленно и весело: «Я ведь не знал тогда... Думал: вот будет специалист по сельскому хозяйству, серьезный парень! А он, оказывается, стихи пишет».

Начиная с 1926 года Петр Комаров стал постоянно печататься в молодежных газетах «Молодая гвардия» и «Набат молодежи». После окончания ШКМ Свободненский райком комсомола направил его в Благовещенский сельскохозяйственный техникум. Он и там хорошо учился, но агрономом не стал.

Другая страсть влекла к себе Петра Комарова, вводила в область духовных исканий — журналистика, литература, поэзия. И вот словно кто-то подслушал его тайные думы... Из техникума, который он так и не закончил, Далькрайком комсомола отозвал Петра для работы в редакции молодежной газеты. Это был 1929 год, памятный во многих отношениях. Начиналось переустройство сельского хозяйства на социалистической основе. Уже расходился по земле гул потревоженных деревень, стали известны первые опыты организации колхозов, и противоречивое отношение к ним вызывало разные толки. Но никто не знал, чем

обернется эта небывалая новь для крестьян, сколько их невинно пострадает от жестоких расправ, какой ценой будет достигнут успех проведенной в бешеном темпе коллективизации. Мы узнаем об этом спустя много лет, когда будет сорван покров с трагических фактов истории. А тогда и без того трудная обстановка в стране осложнялась конфликтом, возникшим на Китайско-Восточной железной дороге. Комсомольцы Свободненского района по ночам патрулировали на подступах к городу, охраняли железнодорожные мосты, продовольственные склады и технические сооружения. К счастью, конфликт был довольно скоро урегулирован, хотя жизнь дальневосточной границы долго еще оставалась беспокойной.

В такое время Петр Комаров и появился на Комсомольской улице Хабаровска, в редакции газеты «Набат молодежи», с которой будет связано так много в его литературной биографии. От вокзала шел в редакцию пешком, и радость в душе сменялась тревогой...

«...Когда перестала существовать «Молодая гвардия», мы, выращенные ею юнкоры, не хотели признавать «Набат молодежи», — вспоминал позднее Комаров, — но не признавать долго было нельзя. Газета дралась за новую, социалистическую деревню и завоевывала авторитет в массах крестьянской молодежи...» Да, именно так оно и было, несмотря на то, что в этой «драке» за новую страну потеряла очень многих людей, в том числе и настоящих хлеборобов, насильственно оторванных от земли...

Свое знакомство с газетчиками Петр Комаров описывал так: «Я был четвертым по счету выдвиженцем «Набата молодежи». Пришел в редакцию в старой выцветшей шубе и длинных, с плешинами унтах. Вся моя фигура внушала редакционным работникам явное недоверие ко мне...» Думаю, такая самооценка мало соответствовала истинной реакции сотрудников. Во внешности Петра, в его одежде не было ничего необычного. Унты, полушубок, шапка-ушанка... Ребят, одетых так, можно было встретить на улице. Просто газетчикам Петр Комаров представлялся иным. Знали его по стихам, очеркам... И вот он сам, такой простецкий парень. Словно был где-то в тайге у лесорубов и вернулся из командировки. Вошел, поздоровался со всеми, кто был в кабинете редактора, назвал себя и сел на предложенный стул.

Редактор, бывший комсомольский работник Александр Черных, быстро пробежал глазами документы Комарова. Ждал он сотрудника из Благовещенска давно, знал о нем. И теперь был доволен: не часто в газету приходят люди с агрономической подготовкой. Предупредил сразу: есть срочное задание. «Ты будешь заведовать сельскохозяйственным сектором. Сегодня тебе и Косте Седых сдавать материал о хлебозаготовках». Комаров слушал, подавляя смущение, кивал согласно и мельком оглядывал лица тех, с кем предстояло работать. Поймал на себе внимательный взгляд Константина Седых, не понял его улыбку и сам оглядел его со значением: «Седых? Это — Седых?»... Не ахти какого роста был поэт-забайкалец; на нем — серый вязаный жилет поверх камлотовой рубашки; он чуть скуластый, с ежиком густых, коротко подстриженных темных волос. Его стихи всегда вызывали у Петра интерес, он искал их на страницах «Набата».

Работать вместе им пришлось недолго. Через несколько месяцев Константин Седых уехал в Иркутск.

Пройдут годы, и о своих поэтических сборниках Константин Федорович Седых скажет, что это были «грехи молодости». Он станет видным прозаиком; его романы «Даурия» и «Отчий край» принесут ему широкую известность. Но в то время, когда они познакомились с Петром Комаровым, оба считали себя газетчиками. Для стихов не всегда удавалось выбирать свободные часы и минуты. В редакции шла трудная, изматывающая, но увлекательная до самозабвения работа. Часто бывали в командировках. Хабаровск, как административный центр Дальнего Востока, объединял Амурскую область, Приморье, Камчатку, Сахалин, Чукотку — огромную территорию с совершенно разными климатическими зо-

нами, разнообразием растительного мира, его южных и северных форм. Где еще можно было наблюдать такое редкое чередование: горно-таежные реки и морской простор, степи и тундра, горячие ключи и вечные ледники...

Накопленные в разных поездках впечатления отзывались пленительными образами в его лучших стихах. И хотя критики по-разному оценят тяготение молодого поэта к пейзажной лирике — одни упрекнут его в созерцательности, другие увидят в этом проявление любви к родной земле, к Отечеству, — он всё поймет, сделает выводы для себя, но не расстанется с темой природы, а, напротив, усилит ее мотивы в дальнейшем, обогащая содержание и совершенствуя свое мастерство.

В разное время исследователи творчества Петра Комарова, авторы очерков и статей, выступавшие с воспоминаниями о нем, опускали тот период его жизни, когда он работал в молодежной газете. А между тем это были годы взросления, творческого роста Комарова в окружении целой плеяды дальневосточных поэтов — Вячеслава Афанасьева, Григория Корешова, Александра Артемова, Анатолия Гая. В Хабаровске сформировалось литературное объединение — довольно сильная группа прозаиков и поэтов; город становился центром литературной жизни на Дальнем Востоке.

Редакция краевой комсомольской газеты, куда поступил на работу Комаров, располагала завидными кадрами литераторов. В разных ее отделах сотрудничали одновременно Григорий Кравченко, Семен Бытовой, Михаил Лесневский, Иннокентий Луговской... Для каждого из них, и для Комарова тоже, эти годы были отмечены поисками своей темы, и не просто знакомством друг с другом, но и взаимным профессиональным интересом. Нередко в редакции «Набата молодежи» проводились обсуждения вышедших в свет поэтических сборников или готовящихся к печати новых произведений. Поэты выступали с чтением своих стихов на городских литературных вечерах, в армейских подразделениях, на погранзаставах, перед студентами города.

В стихотворениях Павла Васильева, какие удавалось прочесть, Комаров угадывал сильный талант. С таким талантом человек не может быть спокойным. Да и другим не даст успокоиться. И какие слова при этом! Откуда они? Поразительные сравнения. Поэт мечтает, чтобы Сибирь сменила «бусы из клыков зверей на электрические бусы». Или вот это: «...И облака тяжелые плывут над пестрой юртой у колодца. Кричит верблюды. И кони воду пьют...» Это же — картина, словами сотворенная!

Молва о приезде сибирском литераторе шла по всему Дальнему Востоку. Где бы ни появлялся Павел Васильев, газеты охотно печатали его стихи. Все поражало в них: яркая образность, необычный строй поэтической речи, лексика... В какой-то мере Комаров испытал на себе влияние его стихов, особенно произведений крупного плана, поэм, где в сшибках враждующих сил выявлялся русский характер с его добротой и отвагой. Но это придет позднее, когда Комаров возьмется осваивать жанр поэмы.

Очень трудно порой было ему совмещать работу в редакции газеты и творчество. И все-таки он находил время для стихов, изредка печатался в газете...

Однажды пришло ободряющее письмо из Иркутска. Константин Седых признавался, что с радостью прочитал в «Набате молодежи» новые стихи Петра. «Молодец, что не бросил поэтического ремесла. В твоих стихах уже чувствуется что-то комаровское. Чувствуется рост. Этому я особенно рад... Кроме того, рад и тому, что вы, по-видимому, всерьез решили оживить и наладить литературную работу на Дальнем Востоке. Декларацию загвоздили блестящую. Оправдывайте ее делом...

Я работаю в радиогазете; заведую партийно-комсомольским отделом. Стихи также пишу, кое-что тебе посылаю...» Он упомянул о вышедших в Иркутске книгах сибирских писателей, обещал прислать журнал «Будущая Сибирь». «...Болезнь продолжаю. Но скриплю. Надо же, коли рожден, жить, а вместе с тем и работать.

Пиши, Петька! С удовольствием буду отвечать. Передавай приветы: Луговскому, Черных, Киму и другим, кто меня помнит.

А пока всего наилучшего. К. Седых».

Читая письмо, Комаров, наверное, усмехнулся такому сочетанию слов: «декларацию загвоздили». Это касалось опубликованного в газете призыва к начинающим авторам: объединиться для совместной работы в литературе и овладения «тайнами» писательского мастерства. В Хабаровске действительно стал выявляться литературный актив. Жаль, что Костя Седых, с его глубокими и точными оценками, был далеко. К его мнению всегда прислушивались. Иной раз в шутливой рифме скажет что-нибудь о стихах, но легкие, смешные слова обернутся серьезным советом...

Теперь и юмор, и забайкальский говор исходили большей частью от Кеши Луговского. С ним и с Семеном Бытовым у Комарова были отношения самые дружественные. И все-таки ближе всех к нему стоял Григорий Кравченко. Они чем-то были похожи, как братья. Их иногда даже путали: оба почти одного роста, оба в светло-серых отлично сшитых костюмах и подстрижены одинаково, только у Петра волосы темнее... Но стоило лишь взглянуть в смуглое лицо Гриши, в его чуть сощуренные, невыразительные глаза, увидеть, как он смеется, показывая зубы со щербинкой, — и впечатление похожести исчезало. Они были братья по духу — вот что главное.

В семье Кравченко, где домашнее хозяйство вела и за всё отвечала мать, овдовевшая после смерти мужа — бывшего советского служащего на КВЖД, Комаров всегда находил душевное тепло и участие. Вызов на работу, хотя и официальный, по линии крайкома комсомола, вовсе не означал, что для нового сотрудника редакции в городе приготовлена комната. Поэтому жить ему пришлось в разных местах. Возвращаясь из очередной командировки, он хлопотал о гостинице или поселялся на время у Семёна Бытового, в его холостяцкой комнатке. Но первым, кто приютил Комарова у себя, несмотря на тесноту в их старом деревянном доме, был Гриша Кравченко. Сюда и потом влекла его постоянно атмосфера дружной гостеприимной семьи. И еще манили книги. Столько было книг! В шкафу и на полках. Гриша сразу сказал: «Можешь пользоваться. Бери любую. Но уговор: с возвратом! Обязательно. Понимаешь? Иначе библиотека наша рассыплется». Да, тут было чем дорожить. Рядом с академическим изданием А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого — собрания сочинений И. Тургенева, А. Чехова, стихи М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Бунина... То, что читано, хотя и не полностью, но все-таки знакомо: Байрон, Шекспир, Гейне. И то, что Комаров впервые держал в руках: «Избранное» Шелли, «Сонеты» Петrarки, «Божественная комедия» Данте.

Не имея высшего образования, он должен был сам многое постигнуть в пределах возможного, как считал и как мог. Позднее он пробовал учиться заочно в Московском коммунистическом институте журналистики, однако работа, связанная с командировками, отрывала его от учебных занятий; пришлось с институтом расстаться.

Осень 1933 года была памятной. В сентябре из Москвы приехал Александр Фадеев. Вместе с кинорежиссером Александром Довженко он решил создать художественный фильм о Дальнем Востоке на современном материале. Замысел этот увлек Фадеева, но не менее важным было и другое: по поручению А. М. Горького он должен был познакомиться с литераторами Хабаровска, Владивостока, с их творчеством, помочь оформиться дальневосточной писательской организации.

Встреча с Фадеевым происходила в здании городского Совета. Лекционный зал, где собрались писатели края, журналисты, приглашенные работники библиотек, преподаватели учебных заведений, был переполнен. Очень многим хотелось увидеть автора широко известного романа «Разгром».

Фадеев выступал с докладом о подготовке к предстоящему Первому Все-

союзному съезду писателей, рассказывал о достижениях и проблемах многонациональной советской литературы. Дальневосточники, представлявшие собой один из ее отрядов, высказали тогда заветное желание: необходим печатный орган, свой журнал, который бы объединил литераторов большого, отдаленного края. Эту мысль, вполне реальную, Фадеев поддержал. Он не раз подробно беседовал затем с писателями, читал рукописи поэтов и прозаиков. Его приезд был весьма кстати и завершился тем, что было решено издавать в Хабаровске журнал «На рубеже». Фадеев дал согласие быть редактором, хотя сразу не смог приступить к делу. Но все было предусмотрено: штат сотрудников, финансовые средства. Вскоре и помещение нашлось. Весь второй этаж особняка, принадлежавшего раньше Обществу политкаторжан, стал резиденцией писателей более чем на полвека... Исторический дом! О нашем долгом пребывании там, на Комсомольской улице, номер восемьдесят, напоминает теперь мемориальная доска с именем А. А. Фадеева.

Но вернусь к осени 1933 года, памятной для Петра Комарова. В октябре он получил из горвоенкомата повестку и через несколько дней был призван в армию.

Служить ему пришлось в Приморье. Однако не стрельбища, не учебные занятия на полигоне его ожидали, а привычный труд газетчика. Снова — забота о строчках, опять передовые статьи, «подвалы», разговоры о шрифтах и верстке, о подборках писем читателей, только на сей раз военной газеты.

Засиживаться в редакции подолгу Комаров не любил, поэтому всякую возможность бывать в воинских частях и подразделениях встречал с радостью. На слетах военкоров выступал со своими стихами. Руководил литературным объединением, созданным при редакции газеты, о чем сообщал в письмах к Г. Кравченко и С. Бытовому.

Здесь была своя жизнь, по уставу... Лишь иногда в часы отдыха Комаров уходил на берег Уссури. Зоркий взгляд его отмечал переменчивые краски лета; перед глазами плескались волны с желтоватым отливом, чей-то плот несло вниз по течению, а за рекой в тальниках вился дымок рыбацкого костра, манил и напоминал о синих, зеркальных плесах на Зее, о рыбалках и пионерских кострах.

Хотелось написать об этом стихи. Но в записную книжку поэт заносил лишь отдельные строчки, метафорические образы, двустушия, поразившие его чем-то детали, записывал как бы «про себя», еще не зная, что со временем впечатления прорвутся в его пейзажной лирике.

Газете нужны были другие стихи. Время несло на своих крыльях невиданные события. Страна прокладывала новый, еще никем не пройденный путь «к светлomu будущему», как об этом мечталось и пелось. На страницах газет мелькали имена энтузиастов первой пятилетки, шли сообщения с ударныхстроек и полей и на всю страну звучала песня о встречном: «Не спи, вставай, кудрявая...»

За два года службы в армии у Комарова появилось не так много новых стихотворений и, по правде говоря, заметного, качественного сдвига в его творчестве не произошло. Как видно, условия армейской жизни не всегда благоприятно для него складывались, писать стихи приходилось урывками...

В Хабаровск Петр Комаров вернулся зимой, накануне нового, 1936 года. Знакомые двери в редакции «Тихоокеанский комсомолец» (так стала называться молодежная газета) были для него открыты. Ему предложили должность заместителя редактора. Начиналась новая полоса жизни. Комаров был счастлив, его захватила литературная среда, наконец-то он сможет общаться с писателями, которых давно не видел.

Все чаще Комаров стал выступать со своими стихами по просьбе читателей. Ездил к морякам Амурской Краснознаменной флотилии, был на погранзаставах. Поездки вдохновляли. Военно-патриотическая тема прочно утверждалась в творчестве дальневосточных литераторов, становилась преобладающей. Этому способствовало особое положение нашего края. Граница — рядом...

Председатель Дальневосточного правления Союза писателей М. А. Алексеев, автор романов о гражданской войне «Атаманщина», «Большевики», пред-

ложил мне летом 1936 года заведовать литературной консультацией. К участию в этой работе надо было привлекать не только писателей, живущих в Хабаровске, но и приморцев. Он называл имена и фамилии малознакомые мне тогда или вовсе неизвестные. Всего лишь три месяца прошло, как я приехала в Хабаровск. Видела небольшую книжку стихов Семена Бытового «День рождения» и сборник Вячеслава Афанасьева «Восток». В журнале «На рубеже» читала стихи Анатолия Гая, Григория Кравченко. О Петре Комарове слышала еще в Иркутске...

И вот теперь вижу его. Он и Григорий Кравченко первыми отозвались на просьбу консультировать начинающих авторов, читали их творения, писали ответы. В этих ответах было много поучительного для стихотворцев, и не только молодых.

Прослышав о том, что я приехала из Иркутска, Комаров стал расспрашивать меня, не знаю ли я Седых и Луговского. Может быть, приходилось их видеть на литературных вечерах? И очень удивился, когда я сказала, что знаю и довольно близко знаю, меня познакомил с ними Сергей Рослый, они вместе работали в редакции газеты «Восточно-Сибирский комсомолец», дружили, а потом мы общались семьями все эти годы, пока я училась в пединституте, и лучших друзей у нас не было...

В просторном зале Дальневосточного правления, отведенном для редакции, среди громадных письменных столов был поставлен и мой небольшой столик с книжной полочкой, вделанной в него, и ящичком для писем — что-то вроде бюро, за которым можно было работать в относительном уединении. Мимо сновали сотрудники, приходили к главному редактору посетители — обычная служебная обстановка. Наведывались снизу — из молодежной редакции, из пионерской («Знамя пионера») газетчики, литераторы... Приезжали из других городов.

Поэты шли к Анатолию Гаю (А. А. Плешкову), он был ответственным секретарем журнала, ведал поэзией. Без особых эмоций Гай высказывал автору мнение о его стихах. Ни перед кем не заискивал, предпочитал суровые слова правды, но тон был доброжелательным. Это вызывало уважение к нему. Но вот что-то удерживало Петра Комарова от желания именно Гаю первому прочесть новые стихи... Грише Кравченко он читал запросто, готов был к дружескому разносу и, выслушав критические замечания, переписывал потом все стихотворение заново, если в нем была хоть одна неудавшаяся строка. Семена Бытового сам просил: «Послушай, Сеня, и честно скажи...» Они всегда читали друг другу то, что появлялось затем на страницах газет или звучало по радио.

В доме на Комсомольской, 52 все писатели проходили своеобразную школу литературного опыта, учились мастерству. Для Петра Комарова это были годы активного овладения знаниями. Многие давали встречи с учеными-краеведами, бывальными людьми, с известными писателями, в том числе и зарубежными.

Был Антал Гидаш, венгерский поэт. Рассказывал о себе, читал стихи. Как праздник, воспринимался приезд китайского поэта Эми Сяо, произведения которого печатались в журнале «На рубеже». Приезжала Мария Шкапская, писавшая очерки о Дальнем Востоке. Не раз бывал Сергей Диковский. Свои замечательные рассказы о пограничниках, написанные после многократных поездок на заставы, он читал в нашем писательском доме еще до того, как они были опубликованы. Подолгу жил в Хабаровске Евгений Долматовский, пока готовил к печати свою книжку стихов о дальневосточной границе...

На литературных «четвергах» выступали поэты и прозаики. Василий Ажаев внес на обсуждение свои рассказы, а затем — повесть «Далеко от Москвы», ставшую впоследствии романом. Интересно было слушать Е. И. Титова — яркого публициста и литературоведа. Эрудит, знаток Дальнего Востока и Сибири, владевший десятью языками, он был человеком редкого ума и обаяния. В соавторстве с В. К. Арсеньевым написал научное исследование по этнографии малых народов Севера, а затем вместе с П. Г. Кулыгиным работал над пьесой «Сергей Лазо», принятой к постановке в Центральном театре Дома Красной Армии... Но постановка не состоялась. Шел 1937 год...

Весть о том, что Григорий Кравченко арестован, была для Комарова ударом. Как это произошло, потом рассказывала мать невинно пострадавшего поэта. В ту ночь, когда перед окнами их дома остановился «черный ворон», от ужасной догадки, что приехали за ее сыном, она заметалась. Не зная, как это предотвратить, стала в отчаянии звать на помощь своих детей, пыталась сдвинуть шкаф и загородить входную дверь от вторжения пришельцев. Григорий ее удерживал: «Ну что ты, мама? Зачем? Не надо... Пожалей себя...» В квартиру уже стучались.

Событие это потрясло Петра Комарова. С печальной усмешкой сказал он однажды своей жене, вернувшейся из редакции:

— Этак и у меня, наверное, скоро появится свободное время... Можно будет писать стихи.

Нина Яковлевна с опаской взглянула на него:

— Ты так мрачно шутишь... Да если Гриша враг народа, тогда вообще справедливости не существует! Может быть, разберутся?..

Да, «разобрались», но не скоро. А пока один за другим исчезали в мрачных застенках НКВД талантливые литераторы. У нас на виду был схвачен и отправлен в неведомые круги ада Е. И. Титов. Затем арестовали П. Г. Кулыгина. Репрессирован был И. И. Шабанов. Все трое — члены Союза советских писателей, участники Первого съезда. Все погибли.

Несколько раз Петра Комарова вызывали на допрос. Потом он был уволен из редакции молодежной газеты «за утрату бдительности и связь с врагами народа». «Что значит «связь»? С какими врагами? — недоумевал он, хватаясь за голову. — Это же абсурд!..»

Когда друзья и знакомые при встрече с ним спрашивали, чем он занят сейчас, что пишет, Комаров отвечал без иронии: «Отдыхаю». В то время ему было двадцать шесть... К счастью, вынужденный отдых оказался недолгим. Его оставили в покое, не к чему было придраться.

Если бы он мог выразить в стихах то, о чем думал, пока находился «под подозрением», какие мысли одолевали его, когда он выходил из кабинета следователя, когда узнавал о судьбе товарищей... Если бы это было возможно! Но мы знаем, что тема эта для литературы на многие годы оставалась закрытой, поэтому сказать свое слово Комаров не успел. Да и не все тогда понимали, что происходит...

В редакции журнала «На рубеже» осталось нас совсем мало, единицы. Последним, кого «сняли с работы», был Анатолий Гай. Ему выразили политическое недоверие, ко всеобщему удивлению...

Забежав как-то в редакцию журнала, Петр Комаров спросил, когда выйдет очередной номер «На рубеже». Фетисов, оставшийся в то время за редактора и не склонный к пространным объяснениям, показал ему сигнальный экземпляр, из которого надо было вырвать портрет очередного «врага народа». Так было уже не раз, из-за этого выход журнала постоянно задерживался. И вот в апреле 1938 года по постановлению краевого комитета партии журнал был закрыт, квалифицированные работники оказались за бортом. А между тем жизнь продолжалась и надо было что-то предпринимать...

Однажды, в раннюю пору весны, когда еще только начинала зеленеть трава, Александр Фетисов — бывшее мое «начальство» по журналу — перед концом рабочего дня сказал мне, что болен Петр Комаров. Скорый на всякие решения, он предложил проведать больного и не когда-нибудь, а сегодня, сейчас же, немедленно.

И мы отправились на улицу Тургенева. Дом, в котором жил Петр Степанович со своей семьей (теперь там площадь Славы), стоял в самом начале улицы, в глубине двора — старый деревянный дом с окнами на Амур, с давно не крашенными ставнями.

Едва мы ступили через порог, навстречу нам из боковой комнатки вышла

жена Комарова с ребенком на руках. Она знала, что мы придем, так как Фетисов предварительно ей позвонил. Указав на дверь, за которой у них была небольшая зальца, Нина Яковлевна объяснила, что там сейчас доктор...

Подождать, когда он уйдет? Может, лучше выйти на улицу? Или пройти в боковую комнатку? Пока мы переговаривались так, Петр, услышав наши голоса, попросил, чтобы мы вошли.

В небольшой квадратной комнате у краешка стола, покрытого скатертью, сидел доктор, выписывал рецепты. Это был сравнительно молодой, но уже знаменитый в городе фтизиатр Михаил Петрович Митрофанов. Оторвавшись на миг от бумажек, он приветливо кивнул нам и поднялся, чтобы сделать наставления больному. Комаров лежал на кровати осунувшийся, молчаливый; ему запрещалось разговаривать громко и долго. Слабой улыбкой он отметил наш приход и продолжал слушать доктора, но подал знак, чтобы мы усаживались на стулья.

После ухода доктора Фетисов, чтобы отвлечь Петра от мрачных мыслей, заговорил о Владивостоке; он только что вернулся оттуда, видел Вячеслава Афанасьева, Георгия Корешова, Сашу Никулина и, конечно, Василия Кучерявенко. Вспомнил, как чуть не прозевал из-за его красноречия китобойное судно...

— Они все привет тебе передавали, Петр. Поправляйся. А это — брось! — Фетисов, никогда не куривший, осуждающим взглядом показал на подоконник, где лежали папиросы.

Не сразу Петр отозвался; что-то мешало ему говорить.

— Да, — наконец вымолвил он, — вот Митрофанов советует в деревню податься. Не сейчас, конечно... Если поправлюсь, встану на ноги, тогда... — Тут он закашлялся и поднес к губам платок. Быстро вошла Нина, подала еще один платок.

С тяжелым чувством покидали мы этот дом. На улице Фетисов вдруг остановился:

— А что, если и правда — в деревню? Найти для него квартиру. Там, где сосны, а?.. У вас на примете нет такого местечка?

Сосны?.. Есть, конечно, есть. Но ведь это в Амурской области, на моей родине. Есть Чембары, все в соснах. От нашей деревни до них рукой подать, только через речку переправиться. Петр знает, мы ведь с ним почти земляки...

— То есть как? — не понял Фетисов.

— Да вот так. Оба из Свободненского района. Он вырос в Поповке. А я родилась в Черновке. Жили когда-то на разных берегах Зеи.

Так возникла мысль о поездке в Чембары. Начались переговоры с Ниной Яковлевной во время коротких встреч на улице и по телефону.

— Да, хорошо бы выехать из города на лето, — говорила она с надеждой. — Врачи советуют. И Наташеньке нужен свежий воздух. Но как это сделать?

Надо было ждать, когда состояние здоровья Петра Степановича улучшится настолько, чтобы можно было им отправиться на поезде в Свободненский район.

И вот все устроилось... Поезд, вагон. Не знаю, какие чувства испытывал Комаров при виде ажурного моста через Зею, когда поезд подходил к Свободному, где, будучи юнцом, он учился в школе крестьянской молодежи. За Зеей жила своей жизнью Поповка; там от комаровского подворья, наверное, уже ничего не осталось...

Но думы были о другом. Только бы окрепнуть, набраться сил для работы; надо готовить к изданию сборник стихов. Он почти готов. Первый...

Чембары в трех улицах, в хороводе сосен, с горными речками Орой и Пёрой, бегущими среди песчаных берегов в тенистых зарослях кустарников, располагали к оздоровлению, к отдыху. Семья Комаровых устроилась в доме на краю деревни, у старожилы И. И. Ворожцова, работавшего почтальоном. Это был брат моего отчима, набожный, мудрый старик из первых дореволюционных переселенцев-вятичей. Он любил читать, много помнил легенд и притчей и рассказывал их приезжему писателю под настроение.

Трудолюбивая и гостеприимная жена его, украинка Мария Савельевна, оказалась не менее интересной рассказчицей. У нее были свои связи с природой. Всю жизнь она собирала лекарственные травы, знала в них толк, лечилась сама и могла бы лечить других, но не делала этого, боялась людской молвы.

— А ты знаешь, Нина, — сказал Комаров жене однажды, входя в амбар, где они спасались от жары, — наша хозяйка-то любопытная старушка. Интересно рассказывает. Я кое-что запишу, пожалуй, чтобы не забыть... — И потянулся за блокнотом, лежавшим на полочке.

— Да, она мудрая. И если бы ты согласился, Петя, можно было бы у нее полечиться травами. Как ты на это смотришь? Мария Савельевна, по ее словам, кому-то помогла. Вылечила кого-то...

— Ну, это... из области фантазий, — возразил Петр, сознавая, как тяжела его болезнь.

Поездка в Чембары летом тридцать восьмого года была для Петра Комарова добрым знаком судьбы. Он как бы получил увольнительную от городской сутолоки, редакционных забот, врачебных визитов и прибыл на свидание с природой, с ее лесами, сопками, горными речками...

Впечатления от чембаровской природы неназываемо войдут в его творчество как обобщенные образы родного края. И не только в стихах, но и в прозаических произведениях. Особенно же скажутся тонкие наблюдения автора в его познавательных книжках, написанных для детей и юношества: «Загадка кривой протоки», «Золотая удочка». В них — талант художника и его рыбацкий опыт. Чембаровские жители удивлялись: никто не вылавливал здесь таких громадных налимов, а вот городской человек изловчился, как будто в назидание им: живете, мол, тут и не знаете, какие рыбы в ваших речках гуляют. Не все еще и знали, что это писатель. И лишь потом, спустя годы, читая книги Петра Комарова, удивлялись: «Да ведь вот кто это был!..» И припоминали его, идущего с уловом от старой, заброшенной мельницы по берегу быстрой Оры, высокого ростом, худощавого, в светлой рубахе-толстовке и в шляпе, каких никто не нашивал там.

В Хабаровск он вернулся окрепшим. Говорил, что теперь время приниматься за дело, готовить стихи для выхода отдельным изданием...

Критики теперь справедливо считают, что поэт придавал большое значение звуковой инструментровке стиха. Это действительно так. В ранний период творчества, когда еще только начинала определяться его манера и надо было уходить от влияния старших, уже известных мастеров, ему пришлось немало потрудиться. А влияние это было заметно. Вспомним хотя бы начало одного из ранних стихотворений: «Ты давно глядишь на улицу, только сердцу не понять: что за парень ходит вечером вдоль по улице опять?» Здесь явно слышится интонация Исаковского, склад его поэтической речи. Или взять другое стихотворение — «В степи», где внешний рисунок, образ всадника и ритмический строй напоминают светловскую «Гренаду». В особенности первая строфа: «Полуденный ветер с обеих сторон, качается в седлах лихой эскадрон»...

Но упрекать Петра Комарова в устойчивом подражательстве не было причины, оно все заметнее оттеснялось поисками собственного голоса. Поэт неустанно работал над словом, отбирая единственное, необходимое, совершенствовался в технике стихосложения, и, естественно, с годами мастерство его крепло.

Стихи Комарова отличаются необыкновенной четкостью ритма, они напевны, многие из них положены на музыку, но вот что удивительно: никто из нас не слышал, чтобы Комаров пел. Как видно, чувство ритма, звуковые образы таились в нем только для стихов так же, как чувство природы, которое он обычно не выражал вслух, словно боясь, что высказанное не стихами оно расплещется зря и потом утратит для него всякий интерес.

Позднее, уже во время войны, когда тяготение к пейзажной лирике не поощрялось и вызывало отрицательную реакцию рецензентов, Петр Комаров написал стихотворение «Над Шантарскими островами» — двадцать строк всего лишь, которые и есть сама музыка...

Под крылом самолета — тайга и тайга,
Золотая земля в непромытых бутарах.
Голубые песцы. Голубые снега.
Голубая зима на Шантарах.

Форме Комаров придавал большое значение, но она никогда не была у него самоцелью. Краткость назывных предложений, которые мы встречаем и в другом стихотворении — «Камень. Редколесье. Солонцы», — усиливает образ нехоженой тайги, пересеченной следами изюбра, она придает объемность пейзажу и особый колорит. Но главное — содержание, автор подчиняет ему весь образный строй произведения. Это отличительная черта лирики Петра Комарова. Вот стихотворение, состоящее из четырех строф. В сущности, это одно сложноподчиненное предложение. И как мастерски оно развернуто! Приведу его полностью:

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелеными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами,

Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышинный горох
Обнялся с травой-золотарником,

Когда бы в полях не бывал,
Где зреют колхозные озими,
Где с осени каждый увал
Под пашню возделан колхозами,

Когда бы ручьи позабыл,
Где каждая струйка — хрустальная,
Наверно бы, так не любил
Тебя, сторона моя дальняя...

На одном дыхании это написано. Тут захватывает мысль, выраженная в образах с такой эмоциональной силой, что ни о каких ухищрениях формы не думаешь, просто этого не замечаешь, — настолько здесь гармоничны все части целого...

Перечитывая циклы стихов Комарова, нетрудно заметить, что любовь к Дальнему Востоку проходит через всё его творчество. Тема близкой, милой его сердцу родной стороны особенно удачно воплотилась в стихотворении «Приамурье», ставшем по сути уже хрестоматийным. Многие читатели, в том числе юные, знают его наизусть. Достаточно напомнить лишь первую строфу:

Край далекий с лесами да сопками,
С поздней жалобой птиц, — это ты
Разбудил голосами высокими
Сыновей золотые мечты.

Цезура во второй строке, нарочитая пауза перед тем, как будет сказано: «Это ты разбудил...» делает ударными последующие строки, не нарушая их напевности. Над «Приамурьем» он работал с особой тщательностью, как будто знал, что со временем это стихотворение станет своеобразным гимном нашему краю. Это было позднее — на западе уже гремели орудия, шла война...

В сороковые годы, в самом их начале, когда еще ничто не предвещало близкой всенародной беды и жизнь текла по законам мирного времени, творческая судьба Петра Комарова складывалась обнадеживающе. Вышел первый сборник стихотворений «У берегов Амура» (Дальгиз, 1940) — небольшая книжка в темно-синем переплете, куда вошли произведения, отобранные им с достаточной требовательностью. Книжка получила благоприятные отзывы в дальневосточной прессе. Комаров, как всегда сдержанно, отвечал на поздравления друзей. Зато обрадовался и не скрывал этого, когда в «Правде» появилась обстоятельная статья С. А. Трегуба «Первая книга стихов». Объективно и доброжелательно оценивая творчество молодого поэта, критик отмечал, что жизнь и талант Петра Комарова слиты не только с природой родного края, но и с трудовыми делами дальневосточников. Он не ошибся, высказав уверенность, что в будущем дарованию автора еще суждено раскрыться.

Конечно, это окрыляло. Ведь поэт уже думал о новой книге. Еще в Чембарах он говорил, что следующий сборник должен быть лучше по художественным достоинствам, значительнее. Ему хотелось попробовать свои силы в жанре поэмы...

Все складывалось тогда благоприятно для творчества Комарова. Работал он в редакции журнала «На рубеже», возобновившего свой выход, стихи печатались на Дальнем Востоке и в Сибири; как и Семен Бытовой, Вячеслав Афанасьев, Анатолий Гай, он выступал на встречах с читателями. По временам болезнь напоминала о себе, требовала спокойного, домашнего режима, но Комаров не хотел расслабляться, он работал с полной нагрузкой и этим, несомненно, вредил своему здоровью.

Незадолго до начала войны вернулся из заключения Григорий Кравченко. Это было так неожиданно... Нина Яковлевна рассказывала, как однажды ночью он постучался к ним в окно со двора — ставни были закрыты.

— Это я, Гриша...

На кухне включили свет, Комаров пошел отворить двери. И вот Кравченко переступил через порог.

Он, конечно, изменился: потемнел лицом, исхудал. Петр пожал ему руку, они обнялись... И заговорили, волнуясь и перебивая друг друга. Кравченко полушутя объяснил, что он не беглец какой-нибудь, его освободили.

— Вы не возражаете, ребята, если я у вас побуду до утра? Дело в том, что... мама... надо привести себя в порядок. Боюсь ее испугать.

— Да зачем спрашивать, Гриша? — взорвался от радости Петр. — Проходи сюда, пожалуйста.

Нина Яковлевна стала собирать на стол, что-то наскоро приготовила, заварила чай.

Это было ошеломляюще. Освободили Григория Кравченко «за недоказанностью вины», как об этом сообщалось в документах. Не один вечер потом Комаров и Кравченко проведут в беседах о жизни, о превратностях судьбы, вспомнят товарищей, будут читать стихи друг другу...

Когда началась Великая Отечественная война, Григорий Кравченко поспешил в горвоенкомат, выстоял длинную очередь, чтобы оформить документы, и через несколько дней уехал на фронт.

Не знаю, застал ли Петр своего друга в Хабаровске, вернувшись домой из Казахстана. Он был в санатории. С такими трудными хлопотами добывалась ему путевка в «Шафраново», и вдруг — известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз... «Какое сейчас может быть лечение?» — спрашивал он себя, укладывая в чемодан вещи, блокноты, купленные по дороге книги. Поступить по-иному Комаров не мог. Он ведь тоже хотел попасть в действующую армию, добивался этого упорно, как только прибыл в Хабаровск, писал заявления, обосновывал свою просьбу тем, что может быть полезным в редакции фронтовой газеты. Но получил отказ: «Кому-то надо работать и в тылу». Он нужен был здесь.

Никто не мог знать, сколько времени продлится война и какие неисчислимые

жертвы она принесет, но люди в тылу, под грохот идущих на запад эшелонов с бойцами, военной техникой и продовольствием, работали дни и ночи.

**Длинными солдатскими ремнями
Пролегла на запад колея.
Воином предстала перед нами
Родина любимая моя.**

Так в стихотворении «Родина» Петр Комаров нарисовал обобщенный образ народа, вставшего на защиту своей страны. Сотрудничая в краевом отделении ТАСС, он чаще, чем кто-либо другой из поэтов-дальневосточников, печатался в «Тихоокеанской звезде», голос его звучал по радио, выступал он и в армейской газете «Тревога». Исключительной была его оперативность, мы, его коллеги-газетчики, удивлялись: когда он только успевал?

С самых первых дней в Хабаровске на главной улице появилось Окно плаката и сатиры «Удар по врагу». Привычная взглядам горожан витрина «Книготорга» преобразилась, и, проходя мимо нее, люди останавливались, чтобы лучше рассмотреть очередной выпуск «Окна». Возникло оно по инициативе писателей. Н. Рогаль, П. Комаров, Д. Нагишкин вместе с художниками В. Высоцким, И. Горбуновым, В. Павчинским безотказно, в основном по ночам, работали над выпуском «Окон». Меткие, порой остроумные и разящие подписи к рисункам и карикатурам делал в стихах Петр Комаров.

Талант Петра Комарова развернулся в годы войны. Он работал много и плодотворно в различных жанрах, вплоть до очерка, писал прозу для детей и стихи для взрослых читателей, обращался к поэме... Это была пора напряженной, почти сверхсильной работы, когда жизнь и горение сливались воедино. Не могла такая нагрузка пройти для него без следа, тем более что жилось трудно, никакого особого питания для больных не предусматривалось; хлеб — по карточкам, ежемесячно — скудный паек.

Работу над стихами Комаров не прекращал никогда, все токи жизни, казалось, входили в его сердце, на всё оно по-своему отзывалось, хотя не сразу пережитое и перечувствованное становилось фактом поэзии. В пейзажной лирике, как это уже отмечали исследователи, Петр Комаров прибегал и к символическим образам. Примером может служить «Кедр» — одно из программных его стихотворений.

Надо сказать, что, когда вынашивался этот замысел, читателям был уже известен «Кедр» Вячеслава Афанасьева: стихотворение печаталось в сборниках, о нем говорили как о произведении удачном, где найден новый подход к изображению современного пейзажа. Однако это не смутило Петра Комарова. Он предложил иное, свое решение темы. Сознательно не отходя от нарисованного Афанасьевым горного ландшафта, Комаров оставил почти ту же экспозицию, он даже размер взял тот же, пятистопный хорей. Но по-иному звучат голоса двух поэтов и о разном они говорят. Вот как начал свое стихотворение Афанасьев:

**Старый кедр над снежною долиной
Возвышался из глубин лесов.
Он своей задумчивой вершиной
Достигал до самых облаков.**

А вот начало комаровского «Кедра»:

**На вершине горного хребта
Он стоял, ветрам наперекор,
Где орлица смелая — и та
Редко пролетала из-за гор.**

С нарастающей изобразительностью развиваются события и в первом стихотворении, и во втором. И там, и тут возникает пожар, который угрожает деревьям-великанам. Но в одном случае огонь принесут люди, которые решили

строить город и поэтому жгут деревья, расчищая площадку. Афанасьевский кедр не погибнет, потому что

Никто стремительною сталью
Не посмел ударить в мощный ствол...
...И шумит зеленая вершина
Над кварталом каменных домов.

И вот поэтический итог, в нем — призыв к людям беречь природу:

Чтоб вовек душа не уставала
Чувствовать величье красоты...

Иную задачу поставил перед собой Комаров. У него кедр «стоял, ветрам наперекор», за долгие века он много раз выдерживал бури и тайфуны, ничто его не согнуло. А внизу цвела колючая аралия, она трусливо «сгибалась перед каждой новой бедой...». Но вот зашумела гроза, ударила сверху молния и подожгла кедр.

Словно кровь в груди богатыря,
Смолы закипели под корой...

Стихотворение построено по принципу контраста, на противопоставлении двух начал, двух судеб и различных отношений к жизни. С одной стороны, тихое, безмятежное существование, а с другой — борьба, желание противостоять бурям и, если случится беда, мужественно встретить ее. Такова философия «Кедра», перенесенная из мира природы в область исканий человеческого духа.

Исполненное по-комаровски живописно и четко, стихотворение это, я помню, в одном из первых вариантов заканчивалось тем, что осторожная аралия уберегла себя от гибели, «склонилась до земли», но отныне ее удел — «обрастать лишайником и мхом...». Этой концовке недоставало обобщения, которое затем появилось: «На скалу поднялся человек...». Все случившееся он оценил и понял:

Где тут жизнь прославилась навек,
Где тут смерть хозяйкою была...

И все-таки это не стало завершающей мыслью стихотворения. Через некоторое время Комаров, переживший очередное обострение болезни, дописал последнее четверостишие. И вот что выделил он в итоге, как идеал для себя:

Если мне придется умереть —
Кедром упаду я поутру.
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру!

В те годы периодически обострялась тяжелая болезнь Петра Степановича. Врачи категорически запрещали ему поездки, командировки. С затаенной грустью и, думаю, не без зависти смотрел он на нас, когда мы отправлялись в отдаленные районы по заданию редакции.

Вспоминается зима 1942 года... Время напряженной работы, затемненных окон по сигналу тревоги, хлебных карточек, грохота воинских эшелонов и готовности взвалить на свои плечи то, что еще не так давно казалось непосильным. В городе Комсомольске развернулась ударная стройка. По приказу Государственного Комитета Обороня строителям надо было ввести в строй действующих предприятий завод «Амурсталь» и как можно скорее выдать металл для нужд оборонной промышленности.

Краевой комитет партии решил послать туда выездную редакцию «Тихоокеанской звезды». В ее составе оказались: А. Пришвин, Ан. Гай, Н. Галунин, В. Павчинский и я. Условия на стройке были трудные. Зима выдалась на редкость суровой, морозы доходили до 45 градусов. Но это не имело значения. Строителям нужно было выполнить государственное задание в срок. Поэтому работали днем и ночью, сутками и неделями не уходя домой. В траншеях, где монтажники

прокладывали трубы для подачи воды в мартен, жгли костры, чтобы грунт не замерзал. Люди грелись у костров или в бытовках — и снова шли под своды холодных цехов. Это был в полном смысле героический труд. Сколько замечательных людей прошло у нас перед глазами! Надо было рассказывать о них читателям.

Неожиданно на стройке появился Петр Комаров. Мы встретили его однажды утром по дороге в редакцию.

— Посмотрите-ка, кто идет! — воскликнул Вадим Павчинский.

Комаров был в коротком зимнем пальто и в серых валенках, шел довольно легко и быстро, как будто всем своим видом хотел показать нам, что он вполне здоров и вот прибыл, даже у шапки не опустил уши.

— А ведь я вас давно ищу, ребята, — он стал здороваться с нами. — Да, морозец тут знатный... — сказал и закашлялся.

Лица у нас вытянулись. Стоим, переглядываемся... Радоваться, удивляться или, может быть, рассердиться? Давно ли мы на редакционной машине возили к нему доктора Митрофанова и, когда возвращались, из разговора с Михаилом Петровичем поняли, что больному нужен покой, хорошее питание и строгий режим. Понятно, что теперь, увидев Петра, все мы подумали об этом.

Начались расспросы. Комаров то улыбался, то хмурился:

— Ну что вы, ребята... Какие могут быть разговоры?

Он пробыл с нами до конца строительства.

Вспоминая теперь о том далеком времени, я думаю, что иначе Петр Комаров поступить не мог. Он считал для себя святой обязанностью быть там, где людям трудно, а на «Амурстали» тогда обстановка чем-то напоминала участок боя.

В феврале 1942 года, после торжественного пуска завода, мы, покидая Комсомольск, еще не ведали, что через некоторое время окажемся на другом, не менее важном оборонном строительстве, вблизи Хабаровска. Петр Комаров не остался и там в стороне. Командировка эта была для нас чем-то вроде награды за успешную работу на «Амурстали». По крайней мере так считали наши друзья-газетчики и мы сами.

Было начало марта. Почти в том же, прежнем своем составе выездная редакция «Тихоокеанской звезды» прибыла на стройку «номер 4». Так она тогда называлась по соображениям секретности. С нами был еще Дмитрий Нагишкин — художник и писатель, будущий автор известного романа «Сердце Бонивура». Долгое время об этой стройке нельзя было не только писать в газетах, но даже говорить.

Немногим известно, что еще в 1937 году метростроевцы, прибывшие к нам из Москвы, начали прокладывать тоннель под Амуром, а затем и железную дорогу. Так нужно было в целях обороны.

Мы проходили тоннель насквозь. Тогда основные работы были уже закончены. Маркшейдер вел нас вдоль колеи все дальше и дальше, на ходу рассказывал, объяснял, где, на каком участке было особенно трудно из-за пльвуна, говорил об опасной работе кессонщиков... Потом открывал двери подстанции, где было чисто, светло, как в московском метро, пахло краской и мерно постукивали умные приборы. Мы оглядывали стены, потолок. Но мысль о том, что над каменным сводом тоннеля шумят амурские волны, не покидала нас всё время. Каких же великих трудов потребовало это сооружение!

О людях, создавших тоннель, Комаров написал отличный очерк «Высокое давление», который опубликовала «Красная звезда» в одном из апрельских номеров 1942 года. Живо, впечатляюще описывал автор опасный труд строителей тоннеля. Его привлекала душа советского человека. Красота этой души проявилась и в подвиге коммуниста Симакова, закрывшего своим телом трещину, в которую хлынул во время аварии поток ледяной воды, и в характерах бригадиров Балахнина и Головки, никак не ладивших между собой оттого, что один из них торопился сменить другого почему-то всегда раньше времени. Конечно, Петру Комарову был близок и поступок начальника участка Довгого, который не ос-

тавлял работу, находясь под высоким давлением более суток, пока к нему не вызвали фельдшера. А специальная инструкция предупреждала: только четыре часа! Не больше!

И этот, и другие очерки Петра Комарова поднимали планку мастерovitости очеркистов, учили предметности, простоте изложения, а это, как известно, легко не дается.

И всё же главным в его творчестве по-прежнему была поэзия. В ближних и дальних поездках, в общении с земляками — людьми труда Комаров всегда находил новые темы для стихов. Время пришло, и заводской цех, площадки ударных строек сменились картинами сельской жизни. Он отправился к хлеборобам Амурской области. Поездка эта была наполнена интересными встречами, множеством впечатлений. Вспомнилось детство. Едва он увидел степь, всю «в желтых пятнах молочая, в цветах ромашки полевой», услышал «поздний крик перепелов», многое отозвалось в душе... Но это была степь военного времени, со своими приметам, о чем поведало читателям стихотворение «Дзот в степи», так живописно начатое автором. Весь цикл, посвященный сельским труженикам, отмечен присутствием близкой границы, которая в любой момент могла стать огненной чертой...

Когда о Комарове говорят, что он певец Дальнего Востока, то это вполне справедливо, только ведь в его стихах с неизменной любовью воспеваются не одни лишь красоты уссурийской тайги, горных хребтов или Зейской равнины, но и величие труда наших земляков, мужество пограничников.

Сейчас, по прошествии почти полувека, перечитывая «Маньчжурскую тетрадь», вспоминаешь август сорок пятого года. В те дни, когда начался освободительный поход Советской Армии в Северо-Восточный Китай, немногим из нас выпало быть в качестве специальных корреспондентов, кому в сухопутных войсках, кому в авиации, а кому и на кораблях Амурской флотилии. Стоит ли говорить, как мы были взбудоражены теми событиями. Спустя три месяца после Дня Победы, который 9 мая вся страна отпраздновала с песнями и слезами, когда уже началось восстановление разрушенного войной народного хозяйства, дан был приказ советским воинам: перейти границу!

С большим трудом преодолев немалое сопротивление и начальства, и врачей, Петр Комаров добился назначения в действующую армию. Вместе с писателем Николаем Задорновым — корреспондентом ТАСС, талантливым прозаиком, роман которого «Амур-батюшка» за год до этого вышел в местном издательстве, они проделали довольно большой путь с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Давняя их дружба, сложившаяся еще в довоенную пору, окрепла в совместных поездках по городам Маньчжурии. Рядом с Николаем Павловичем — человеком большого кругозора, весьма предупредительным, веселым и добродушным, Комарову было легче преодолевать неизбежные трудности на маньчжурской земле и постигать душу истстрадавшегося народа.

«Маньчжурская тетрадь», все три цикла Петра Комарова, куда вошли стихи о Китае, Корее и Монголии, — явление уникальное в советской поэзии. Не только в силу единственности такого широкого взгляда, объемлющего многоликие страны Азии, но и по художественной выразительности описаний и образов, созданных автором. Касается ли это массовых сцен на улицах («Харбин»), портретных зарисовок в таком стихотворении, как «Старик», или экспрессивного портрета идущей по улице женщины, у которой «в руках узлы, на голове — корзина и плачущий ребенок за спиной» («Кореянка»), поэт точен в своих беглых зарисовках людей. Ему не откажешь в изобретательности, даже когда он использует прием перечисления для того, чтобы передать всплеск радости на улицах города, куда вошли советские воины-освободители с красными флагами и цветами на штыках:

Никто не позабудет этой встречи:
Увитых георгинами штыков,
Малюток, нежно поднятых на плечи,
Коленопреклоненных стариков,
Мужской слезы, оброненной впервые,
Молитвенного шепота вокруг
И взглядов нежных: «Русские! Родные!»,
И трепета горячих женских рук.
(« Х а р б и н »)

Думаю, читатели разных поколений и сегодня оценят высоко стихи «Маньчжурской тетради». Это, бесспорно, удача Петра Комарова в ряду наиболее значительных его достижений.

Он никогда не отказывался, если выпадал случай помочь кому-то из товарищей по «поэтическому цеху». А таких случаев было немало. Так, после возвращения из Северо-Восточного Китая, будучи во Владивостоке, Петр Степанович узнал, что перед войной Георгий Корешов принес в издательство сборник своих стихов, но вскоре ушел на фронт и погиб в бою. Говоря об этом с болью и сожалением, Василий Кучерявенко, бескомпромиссный человек, бойцовский характер которого был нам известен, возмущался: до сих пор рукопись лежит без движения. Решили вместе с Комаровым идти в издательство.

И что же? Оказывается, причина в том, что нет редактора, да и нечем платить за редактирование.

— Всё ясно, — сказал Комаров, выслушав издателей. — Давайте мне рукопись. — И пока жил во Владивостоке, за несколько дней подготовил сборник к изданию, без всякой оплаты.

Не мог он пройти мимо печальной судьбы товарища, тем более что стихи Георгия Корешова ему всегда нравились, они были овеяны романтикой подвига, привлекали богатством красок открывавшегося перед ним мира. Вышедшая книга стихов «Океанский ветер» убеждала в этом читателей. «Море было главной его темой, — писал о Корешове Комаров. — Среди его современников найдется немного поэтов, которые бы так чувствовали море, так знали и любили его»...

В тот раз, возвращаясь из Владивостока, он подолгу стоял у окна, разглядывая знакомые станции, где в юности много раз бывал по заданию редакции. Годы прошли...

Дома его ожидала почта, он стал разбирать и откладывать в сторону газеты, журналы. Среди бандеролей обратил внимание на одну небольшую. Догадался, что это книжка, и сразу узнал почерк Константина Седых. Не мог удержаться и тут же решил прочесть — давно не было писем от него. Но прежде посмотрел книжку: «Первая любовь». И автограф — стихи...

«Дорогой Петр! — писал Седых. — Я видел и даже немного полистал твой чудесный «Хинганский родник» у Г. Маркова. Но для основательного прочтения он мне его не дал. Однако и того, что я успел прочесть, достаточно, чтобы сказать тебе, амурский чалдонище, что писать ты стал удивительно хорошо. Утер ты нос нам, твоим старшим братьям, с чем тебя искренне и поздравляю.

Так ты меня расшевелил своими стихами, что некоторые из них я запомнил наизусть. А это со мной редко бывает. Надеюсь, что «Хинганский родник» я буду иметь. За опыт пошлю тебе вторую книгу «Даурии», как только она увидит свет.

Я сейчас сильно болею. Постарел. Поседел. Работаю мало и плохо. Приглашали меня в Москву на конференцию прозаиков, но из-за болезни я не смог туда поехать, о чем весьма сожалею.

А как твое здоровье? Я слышал, что у тебя с легкими неблагополучно? Напиши мне, не поленись. И, если можно, пошли хотя бы перепечатанные на

машинке твои «Маньчжурские стихи». Это доставит мне искреннюю радость и подействует на меня, как омолаживающий душу эликсир.

Твой К. Седых».

На книжке надпись: «Петру Комарову, поэту всея Сибири» и стихотворение в полусутоливом тоне:

Есть, говорят, в горах Хингана
Святой поэзии родник.
Амурским стужам и буранам
Он покоряться не привык.
Он, говорят, открыт тобою,
Тигриных дебрей рифмой,
И он пленяет все живое
Своей могучей красотой.
Прошу: пошли чудесной влаги
В обмен за «Первую любовь»
Седому, хилому бродяге,
Певцу даурских казаков...

Прочитал это Петр Комаров и, наверное, подумал о том, как много еще не сделано... Поэма о казаке Атласове лежит в столе, ждет завершения. Все нет времени взяться за нее... А может быть, надо жестче управлять своим временем? Прав старик Иванов, когда говорит, что мы, русские люди, — неорганизованный народ...

Во всем должна быть разумная простота. И в жизни, и в литературе. Бывает, пишущий прозу долго не может найти начало. Оно не всегда сразу дается. И, мудрствуя напрасно, автор уходит от простых, но важных вещей.

Один из лучших своих очерков Комаров начал с того, что каждый день из окна квартиры он видит лиственницу, которую посадил когда-то Владимир Клавдиевич Арсеньев. Дерево растет перед окнами краеведческого музея, в городском парке на берегу Амура. От этой, казалось бы, случайной детали авторская мысль ведет читателя к сложным проблемам жизни.

Но я не собираюсь пересказывать очерк. Хочу лишь напомнить, что в доме на улице Шевченко, 28, где жил Петр Степанович со своей семьей, окна его квартиры выходили на южную сторону, и оттуда он видел лиственницу. И видел ее только он, потому что знал о ней. Другие не знали. Не интересовались.

В хорошую погоду можно было выйти на балкон-галерею. С четвертого этажа открывался речной простор, знакомый мост через Амур. Все было видно: пароходы, галечниковую косу за Чердымовкой и лодки на ней, там ютились рыбаки в старых лачугах... Слушал, как во дворе весело гомонят ребятишки, улавливал из всех голосов особенный, звучный смех дочки Танюши, своей любимицы, опять погружался в сокровенное — образы сложной, переменчивой и всегда волнующей жизни... Нередко к нему подсаживался Вадим Павчинский, приносил показать очередную карикатуру по привычке, сложившейся в годы войны, они ее обсуждали вместе. Да кто только не бывал здесь! Художники, поэты, работники издательства...

Случалось, захаживал Иванов — «Гора», как мы в шутку называли Всеволода Никаноровича, имея в виду его высокий рост, отменную комплекцию и неистощимый запас обширных знаний, накопленных в странствиях по России и за ее пределами. Теперь можно сказать, что он вполне оправдал шуточное прозвище, оставив читателям в наследство целую гору книг. Ни одной из этих книг Комаров увидеть не мог. Они печатались и выходили большими тиражами уже без него. А вот слушать Всеволода Никаноровича не уставал, его устными рассказами был переполнен. И удивлен. Подумать ведь только! Иванов видел Россию в трех революциях, набирался знаний о ней вблизи, а также за ее пределами, учась в Германии, потом защищал Россию в воинском строю во время первой мировой

войны, смотрел на нее из окопов и с колоколен, молился, желал ей добра, но Октябрьскую революцию не понял, не принял цвета ее знамен и подался за пределы Отечества, в Китай... Двадцать три года провел на чужбине. Всяко ему жилось. Путешествовал по городам Китая, основательно изучал его древнюю историю, язык, читал лекции в университете, книги писал, редактировал газету на русском языке, но никогда ощущение, что он — на чужбине, его не покидало...

Комаров любил его слушать... Читал ему однажды свою поэму об Атласове и нашел в нем мудрого наставника, советчика. И уж, конечно, знатока Руси великой.

Весной 1948 года Вс. Н. Иванов получил вызов из Союза писателей и выехал в Москву. Комиссия по работе с начинающими (!) авторами организовала обсуждение его рукописей. В мае, незадолго перед тем как отправиться в Мухинский санаторий, Комаров получил от него письмо:

«Дорогой Петр Степанович!

Очень часто и всё чаще и чаще я вспоминаю теперь Ваши строчки: «Ты уже не забудешь нигде поздний вечер далекого края, с разноцветным огнем на воде...» Должно быть, Дальний Восток мне въелся в печенки, что я в весенней, зацветающей, распускающейся зеленью Москве всё время думаю об Амуре и парке над ним, и даже нежно — о своей «пещере» на улице Карла Маркса... Нет, что-то есть там особенное, от пантов оленей, от Тихого океана, от близости Китая, от страстного хода рыбы в реках, от тамошних литераторов, что-то густое, сильное, специфическое, чего так, за здорово живешь, — не избудешь, не забудешь...

Что касается меня, то я тут прошел «хождение по мукам». Спасибо Ажаеву — он был как бы тем толкачом-паровозом, который фигурирует в Ваших стихах о новой дороге...

Обсуждением я очень доволен. Прошла уже неделя, многое стало ясно. Сейчас я работаю в Ленинской библиотеке, поглощаю разные книги и материалы... Вот, дорогой Петр Степанович, сколько разных забот и волнений на старости лет у меня. Всё же нужно признать, что поездка была предпринята правильно, что нужно было ехать. И спасибо Вам за то, что в годы моего сосредоточенного молчания и писания Вы нет-нет да и ободряли меня.

Душевно Ваш Вс. Иванов».

В эти же дни пришло письмо из Риги, от Н. П. Задорнова. Читал, как будто слышал его голос.

«Дорогой Петр!

Живу я на берегу моря... Под берегом рыбаки ловят шпротов, мы иногда покупаем их, и, когда в доме пахнет рыбой, мне до боли ясно вспоминаются родные картины Дальнего Востока, рыбацких стойбищ и станов, костры, избы, запах кеты и карасей. И когда я пешком бродил по ледовому Амуру и без хлеба ел одного карася в день...

Тут среди готики и американизированных дач мне не хватает близости земли, хотя я понимаю прелесть и красоту здешнего и уважаю латышей — трудолюбивый народ... Уже написан рассказ о латышах... Хочется на Дальний Восток, глаза зажмурю и всё вижу, как наяву.

Прочел твои «Шантарские острова», стихи о Маңьчжурии. Хорошо ты пишешь, Петр...»

Тоску Николая Павловича можно было понять, она — в тексте и между строк. Думаю теперь, что всё это Комаров пропускал через свое сердце с глубочайшим сочувствием и понимал как необходимость, которая возникает перед большим художником на какое-то время. Убежден был, что Задорнов рано или поздно вернется сюда. Но не дождался. И серию его исторических романов о Дальнем Востоке тоже не увидел. Книги эти выходили уже без него.

Оказавшись в Мухинском санатории под Благовещенском, Петр Степанович не прекращал работу над стихами. Он задумал новый цикл (потом даст ему название «Зеленый пояс»), но пока делал наброски. Здесь, так же, как в Разливной,

трудно было создать творческую обстановку, уединяться для работы. Тяжелая болезнь требовала особого лечения, усиленного питания. Но в последнее время трудно было доставать мясо, масло, другие продукты. Бутылку молока на рынке покупали за большие деньги. По правде говоря, Комаров угасал от недоедания.

В его письме к известному критику и литературоведу Ан. Тарасенкову есть строки, которые написаны, по-видимому, через силу, так как не любил он говорить о своей болезни: «...Сам я уже пятый месяц лежу в постели при полном упадке сердечной деятельности и остром туберкулезе. Врачи, спасибо им, применяют все снадобья, чтобы поднять меня, но, видимо, организм сдал окончательно, и если успею увидеть свой сборник изданным, это будет моим великим счастьем... Да и сейчас, в постели, я не имею права жаловаться на жизнь. Прожил я ее хорошо и честно, и пока ясная голова — буду писать стихи. «Зеленый пояс» написал уже в постели...»

Нужны ли тут комментарии? Все сказано в этой нечаянной исповеди. Разве только добавить, с какой жадой жизни он встречал ее неизбежный конец... И как до последнего дня отчаяние и надежда попеременно владели его сознанием.

Мучился оттого, что многого не успел сделать — оставляет недописанные поэмы. И перебирал в памяти отдельные строфы, они ему не давали покоя. Однажды попросил жену взять бумагу и карандаш:

— Найди мне «Атласова», я решил исправить одну строфу. Конец первой главы. Последнее четверостишие.

Нина Яковлевна с недоумением посмотрела на него:

— А что?... Здесь, кажется, все в порядке, Петя, — и прочитала: «Под бело-рыбицу с торели вельми как водка хороша. А мы еще не постарели и для повторного ковша». Что тебя смущает?

— Зачеркни «для повторного ковша». И напиши так: «А мы еще не постарели с тобой для доброго ковша!»

Требовательный к слову, Комаров, наверное, не хотел допускать преувеличений — ведь и герой его поэмы, лихой казак Владимир Атласов, и ватажник Морозко — не молоды, да и собрались «не для гульбы», предстоит им поход на Камчатку...

Исправлять и улучшать тексты стихотворений было для Комарова необходимостью, если что-то ему казалось неточным, он возвращался к ним не раз, порой через годы, о чем свидетельствуют две даты, иногда поставленные в конце... В творческой лаборатории каждого поэта есть свои тайны. По-разному складываются и отношения между литераторами; бывают несовпадения вкусов. Но когда речь идет о стихах, о творчестве, быть справедливыми друг к другу, вдумчиво подходить к анализу текстов — обязанность святая. Петру Комарову не всегда в этом смысле везло. Уже после того, как его не стало, произошел досадный случай.

Нина Яковлевна хорошо знала, как требователен был к слову Петр Степанович, поэтому я несколько не удивилась, когда она летом 1958 года, оказавшись в Москве, увидела в только что вышедшем сборнике Комарова редакторскую вольность и взволнованная стала звонить в издательство «Советский писатель», просила сделать поправку. Но хлопоты ее не увенчались успехом. Книга вышла. И было обидно, что редактор сборника, известный поэт А. Жаров, не почувствовал разницы между глаголами «выходить» и «обойти». В стихотворении «Приамурье» у Комарова сказано: «Я тропинку бы выходил каждую, да моя сторона велика...» После редакторской правки получилось: «Обошел бы тропиночку каждую».

Но ведь тут уже другой смысл! Да и позиция совсем иная.

Петр Комаров, так много поработавший в литературе, изведал и муки, и радости творчества. К объективной и доказательной критике он всегда относился с достаточным уважением. Но в то время, когда силы его уже покидали и он это чувствовал, ему пришлось испытать острое чувство обиды. В газете «Известия» появилась статья поэта Сергея Васильева на тему о задачах советской

литературы. Упомянув о «Зеленом поясе» П. Комарова, автор высказал к нему свое отрицательное отношение: «Все же приходится отметить, — писал он, — что П. Комаров обошел в этих стихах главное — человека как активного строителя коммунизма... В результате при всех его литературных достоинствах (естественность, плавность поэтической речи, тщательная отделка строфы и т. д.) цикл «Зеленый пояс» оказался обедненным»...

Можно ли с этим согласиться? Конечно, нет. С. Васильев не понял высокого, общечеловеческого звучания упомянутого им цикла «Зеленый пояс». А сейчас, ввиду надвинувшейся угрозы нашим лесам и возрастающего интереса к экологическим проблемам, стихи о природе и об отношении к ней человека особенно нужны, остро актуальны. Да и тогда общественное значение их было достаточно высоко.

Государственной премии были удостоены циклы стихов Петра Комарова, написанные в последние годы его жизни, — «Зеленый пояс», «Маньчжурская тетрадь» и «Новый перегон». И вот какое удивительное совпадение (о нем мало кто знает или не все помнят): одним Указом правительства от 7 марта 1950 года звание лауреатов Государственной премии было присвоено Петру Комарову за стихи и Константину Седых — за роман «Даурия»...

К сожалению, Петр Степанович не дожил до этого дня.

Он умер 30 сентября 1949 года.

Оглядывая мысленно путь, пройденный Комаровым, думаешь о том, как много он сумел сделать за свою недолгую жизнь.

Сторонка родная, где прожиты годы,
И дом, как маяк, у реки...
Войду в поговорку иль выйду из моды —
Припомнят меня земляки:

— Он жил для тебя и работал неплохо,
Бродил по дорогам лесным,
Был сыном твоим до последнего вздоха
И верным солдатом твоим.

Они для меня прозвучат, как награда,
Простые слова земляков.
И лучшей награды поэту не надо.
Во веки веков.

Много лет прошло с тех пор. Книги Петра Комарова продолжают выходить в разных издательствах страны, звучат его стихи на многих языках.

Исполнилась заветная мечта поэта. Имя его не забыто. Кажется, само время прокладывает дорогу его стихам. Им долго жить.

